

ОРУЖИЕ СЛОВА В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ
(по воспоминаниям Л. З. Копелева)

Знание языков в межнациональном общении всегда было залогом успешной коммуникации между разными культурами и их представителями. Новизна данной темы диктуется слабой изученностью проблемы деятельности Главного управления политической пропаганды Красной Армии (далее – ГУППКА) и 7-го Политуправления, а также узким кругом доступных источников. В статье на примере воспоминаний Льва Зиновьевича Копелева, сотрудника 7-го Политуправления Северо-Западного и 2-го Белорусского фронтов, рассмотрена история становления и работа ГУППКА и его отдельных Политотделений в 1941-1945 гг.

Ключевые слова: Л.З. Копелев, ГУППКА, 7-е Политуправление, пропаганда, листовки, Великая Отечественная война, СССР, Северо-Западный фронт.

«Оружие слова во второй мировой войне имело очень большое значение, пожалуй, намного большее, чем во всех прежних войнах... Более того, побежденные оружием слова противники нередко становятся друзьями, союзниками и полноправными участниками победы» – такими словами заканчиваются заметки «Слово правды через фронт» [6, с.532] Льва Зиновьевича Копелева, служившего агитатором-переводчиком в рядах 7-го Политуправления Северо-Западного и 2-го Белорусского фронтов в 1941–1945 гг. Будучи непосредственно участником войны, Лев Копелев как никто понимал значение слова и языка в пропагандистской дуэли с противником.

На более высоком уровне о месте и формах использования идеологического и пропагандистского воздействия на умы не только собственного населения, но и на струны души вражеских солдат по другую линию фронта говорилось задолго до вступления Копелева в ряды Красной Армии.

Еще в 1925 году нарком по военным и морским делам СССР М. В. Фрунзе указывал, что «военное столкновение Советского Союза с любым из буржуазных государств будет носить не только характер национальной войны, но и будет в какой-то мере классовым столкновением, а потому пролетарское государство непременно будет иметь союзников во вражеском лагере» [2, с.49]. Этот тезис впоследствии подтвердился не в полной мере, но подготовка пропагандистского аппарата РККА строилась именно на подобных положениях.

В таких условиях деятельность политорганов имела приоритетное и во многих случаях решающее значение. Отсюда вытекали и широкие возможности для разработки теории, и практики классовой, революционной пропаганды во вражеском лагере, в войсках противника и его тылу.

История возникновения первых структур политической пропаганды на войска противника в аппарате РККА восходит к русско-японским пограничным столкновениям и русско-финской войне [2, с.87]. Именно после этого

опыта советское командование РККА задумалось о внедрении в военные округа специальных отделов для работы на противоположной стороне фронта, как часть политорганов.

Таким образом, уже в 1939 году в составе политотдела 1-ой армейской группы, осуществлявшей деятельность в районе реки Халхин-Гол, было организовано специальное отделение для идеологической работы среди солдат противника [2, с.4]. Схожие по своей деятельности структуры были созданы и в рядах армейских групп, действовавших на полях русско-финской войны 1939-1940 гг.

Возникновение новой сферы деятельности в рамках идеологической работы на фронте привело к осознанию необходимости изменения уровня идеологической и профессиональной подготовки кадров. Оно воплотилось в реструктуризации и переименовании Политуправления Красной Армии (ППУРКА) в Главное управление политической пропаганды Красной Армии (ГУППКА) в июне 1940 года.

Особую важность ГУППКА уделяло именно работе на вражеской стороне фронта: пропаганда собственной идеологии, склонение солдат к сдаче в плен, распространение недостоверной информации. Понимание близости войны с Германией заставило высшее руководство СССР обратить внимание именно на этот аспект военного дела.

Данная работа предполагала в первую очередь глубокое владение языком противника на всех его уровнях. Специфика военного дела накладывала свой отпечаток и на язык, письменный и устный. Язык военно-профессиональной среды отличается от повседневной речи, с одной стороны, наполнением общеупотребительной лексики, понятной каждому, кто владеет языком на более-менее среднем уровне, с другой стороны – требует знания специфичной, характерной только для этой среды лексики. Иногда общеупотребительные лексические единицы в военном лексиконе приобретают специфичное значение. Так, например, слово «огонь» в повседневной жизни понимается большинством из нас как «пламя», «костер» и т.д. В военной же среде – «стрельба из ружей или орудий». Данный пример иллюстрирует лишь одну из многих сложностей подготовки военных переводчиков.

Учитывая эти факторы, а также ряд других, советское правительство осознало необходимость организации специальной профессиональной подготовки переводческих и педагогических кадров. С этой целью приказом Народного Комиссариата Обороны СССР и НКО РСФСР с 1 февраля 1940 года во 2-ом Московском Государственном педагогическом институте иностранных языков (МГПИИЯ) был создан Военный факультет, по сути своей являвшийся высшим военно-учебным заведением, готовившим профессиональных преподавателей и переводчиков [7, стр.118].

В феврале 1940 г. на должность заместителя начальника факультета прибыл по приказу НКО майор Василий Дмитриевич Макаров, вступивший вскоре во временное исполнение обязанностей начальника факультета. Воен-

ным комиссаром факультета был назначен в конце февраля батальонный комиссар Александр Николаевич Кудинов. В октябре 1940 его место занял генерал-майор Николай Николаевич Биязи.

Работа факультета началась 8 февраля 1940 года. В сентябре того же года военный факультет выпустил первую группу студентов в количестве 38 человек. Осенью общее количество слушателей доходило до 248 студентов, весной следующего года – 339. Всего весной 1941 г. на факультете и его отделениях готовилось более пяти тысяч военнослужащих [7, с.119].

Еще одним высшим учебным заведением, чьи выпускники сыграли заметную роль в работе ГУППКА, был Московский Институт философии, литературы и истории (МИФЛИ). Данный вуз не готовил специалистов по переводу сугубо для Красной Армии, однако многие его выпускники, изучавшие в рамках программы высшего образования иностранную историю и литературу, прекрасно владели языком, что в последствие привело их к службе в структуре ГУППКА.

Таким образом, на момент начало войны ГУППКА уже успело перестроиться на новый вектор работы, включавший идеологическую обработку как своих солдат, так и вражеских, о чем свидетельствует активная работа по подготовке переводческих и педагогических кадров.

Уже 18 июня 1941 года, за 4 дня до непосредственного начала войны, отдельные немецкие солдаты, которым их командование объявило дату начала операции «Барбаросса» пересекали р. Буг в районе Бреста и сдавались в плен советским войскам, с целью предупредить их о готовившемся наступлении [5, с.175]. Конечно же, для работы с ними были необходимы качественные переводчики.

Одним из самых ярких выпускников МИФЛИ, служившим в 7-ом Политуправлении, являлся Лев Зиновьевич Копелев. Он родился в Киеве в еврейской семье, с самых первых дней жизни был окружен иностранным языком, в частности, разговорным вариантом «идиш», популярным среди евреев немецкого происхождения и имеющим в основе своей диалектный вариант немецкого. В 1935 году поступил в МГПИИЯ на факультет немецкого языка и литературы, в 1939 – в МИФЛИ, где одновременно был аспирантом и преподавателем. После окончания института в 1941 году добровольно записался на военную службу и благодаря своему знанию немецкого языка попал в ряды 7-ого Политуправления Северо-Западного фронта.

Во время непосредственных боевых действий задачей 7-ого Политуправления являлась идеологическая обработка вражеских солдат, их убеждение сдаваться в плен. По воспоминаниям Копелева, большая часть их работы состояла в разработке агитационных и пропагандистских листовок, которые впоследствии распространялись среди немецких солдат – либо при помощи авиации, либо же оставлялись на пути отступления советских войск [6, с.527]. Такие листовки в основном носили сатирический характер, высмеивавший командование Третьего рейха или отдельные подразделения вермахта.

Одна из таких листовок, представляла собой изображение рядового бойца вермахта, истощенного боями, а рядом солдата ваффен СС, чистого и полного сил, пристающего к жене обычного солдата.

Другая листовка, написанная после информации о возвращении итальянских солдат домой, во время очередной волны мобилизации населения в самой Германии, иллюстрировала бесчеловечное отношение немецкого командования к солдатам, которыми они закрывали дыры на фронтах:

*«Du gehst hier draußen vor die Hunde,
Zu Hause gehn Frau und Kind zugrunde.
Die Waffenbrüder ziehn nach Haus,
Die Lücken stoppt die Deutsche aus. »*

*Пока с собаками идешь ты в бой,
А где-то мать с дитём без сил идут домой.
В край отправились союзники родной,
А наши бомбы разрывают немцев по одной.* (Перевод – А.Ч.)

В начале войны советская печатная и радиопропаганда велась централизованно из Москвы и не имела особого успеха. Как пишет Лев Копелев, «в первые два-три месяца войны содержание и направление всей этой пропаганды определялось в едином центре, в ГлавПУРККА, ... В начале войны ГлавПУРККА поставлял на фронт миллионы листовок, среди которых, наряду с удачными, даже талантливыми, – например, листовки со стихами Вайнерта, – были едва ли не в подавляющем большинстве просто переводы нашего Информбюро и даже фельетонов Эренбурга. Немецким солдатам это менее всего могло внушить доверие к нашей пропаганде» [6, с. 535]. Лишь в сентябре 1941 политуправления на фронтах получили возможность выпускать свои собственные листовки, через год, в 1942 году, подобную возможность получила вся армия. С ходом времени, «в связи с ростом числа пленных и перебежчиков качество этих «централизованно производимых» пропагандистских материалов значительно улучшилось».

По сведениям начальника политуправления фронта генерал-майора Андрея Огорокова, с осени 1942 г. и до конца 1943 г. политуправление фронта издало 214 листовок, а также 83 номера газеты «Soldatenfreund» («Друг солдата») [3, с.48].

Особую важность приобретала радиопропаганда среди войск противника, проводимая специалистами 7-го Политуправления непосредственно на фронтах [там же, с.48]. При помощи немногочисленных на момент начала войны (около 20 штук) мощных радиоустановках (МГУ) и окопных громкоговорящих установках (ОГУ) агитаторы-переводчики «несли слово правды через фронт».

Отдельный интерес представляет собой работа специалистов 7-управления по вербовке пленных. Владеющие глубоким знанием немецкого языка, культуры и истории Германии, офицеры 7-ого Политуправления, в ходе

общения с пленными, получали информацию об отдельных группах войск врага на тех или иных участках фронта: возраст солдат, их происхождение – как социальное, так и географическое, информацию об их семьях и т.д. Такие данные способствовали более точной агитационной работе на этих участках.

Так, например, по воспоминаниям Льва Копелева, «мы лучше узнавали действительные настроения немецких солдат и населения в тылу, действительные особенности мировосприятия, психологии, обычаев и нравов тех, к кому обращались. Мы научились писать и говорить, видя и понимая то, что действительно есть в их умах и душах, а не исходя из заданных догматических схем, из произвольных представлений о том, какими они якобы «должны быть» ... Мы научились разнообразить нашу пропаганду, целенаправленно конкретизировать ее, направляя к читателям и слушателям разных общественных групп, разных уровней образования, разных взглядов на жизнь, к людям, происходившим из разных областей Германии» [6, с.534].

Наиболее ярко примеры работы ГУППКА на Северо-Западном и 2-ом Белорусском фронтах в 1941–1945 гг. представлены в заметках Льва Зиновьевича Копелева «Слово правды через фронт» и его автобиографии «Хранить вечно». Являясь непосредственным участником и свидетелем всех описанных событий, он оставил ценный материал о методах работы политической пропаганды. Это один из немногих источников работы ГУППКА, доступных для изучения.

Так, например, в его заметках отмечается работа гвардии капитана Вульфсона, инструктора политотдела гвардейской латышской дивизии [3, с. 50]. Освоив трофейную немецкую рацию, прекрасно зная язык и специфику военного общения артиллеристов, он слушал их переговоры, сообщения, координаты ударов, сопоставлял их с картой местности. В итоге ему удалось составить точную копированную карту немцев. Далее он стал «вмешиваться» в радиоэфир. Знания немецкого военного языка позволило ему передавать немецким артиллеристам ложные координаты ударов, оставаясь при этом нераскрытым, в результате чего немцы «подолгу обстреливали пустой лес и даже собственную пехоту...» [6, с.542].

Другой пример иллюстрирует освобождение крепости Грауденс в восточной Польше. Захваченная и удерживаемая 250-ой дивизией генерала Фрике, комендантом крепости Финдайзеном крепость была окружена советскими солдатами. Попытки штурма крепости ни к чему не привели, повторные попытки не предпринимались ввиду крайне невыгодного для штурма положения крепости. Было решено провести переговоры. Их вели Лев Копелев, майор Брехлер из комитета «Свободная Германия» и подполковник, командующий группой осаждающих войск. Во время переговоров Копелев, переводя условия сдачи крепости подполковника, добавлял некоторые фразы от себя. Он советовал коменданту гарнизона, как убедить генерала сдать крепость, как вести себя и т.д., чтобы избежать дальнейших бессмысленных кровопролитий. В результате

переговоров, правильно подобранные слова Копелева и его глубокое владение психологией немцев привели к сдаче гарнизона форта в количестве 7 офицеров и 126 рядовых солдат и унтер-офицеров [6, с.545].

Проанализировав работу агитаторов-переводчиков 7-го Политуправления Северо-Западного и 2-го Белорусского фронтов на материалах воспоминаний Льва Копелева, можно сказать, что специалисты-переводчики, пропагандисты Политуправлений ГУППКА на данных направлениях внесли огромный вклад в успех советской армии. Глубокое знание языка, культуры, психологии противника, учет обстановки в целом на фронтах войны позволили им понять, какие струны человеческой души можно задеть, обращаясь к солдатам по «другую» сторону фронта.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Борозняк, А. И.* Время истории и время историка / Германия и Россия в судьбе историка : сборник статей, посвящённый 90-летию Я. С. Драбкина. – Москва: Собрание, 2008. – С. 14–36.
2. *Бурцев, М. И.* Прозрение. — М.: Воениздат, 1981. – 320 с.
3. *Вашкау, Н. Э.* Начало прозрения (о путях воздействия советской спецпропаганды на солдат и офицеров вермахта: год 1943–й, Северо-Западный фронт) / Великая Победа: в 15 томах / под общей редакцией С. Е. Нарышкина, А. В. Торкунова. – Том XII. – Освобождение. – Москва: Изд-во «МГИМО-Университет», 2015. – С.47–54.
4. *Верников, С. М.* Записки военного переводчика / 3-е изд., доп. – Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство, 1977. – 136 с.; Ржевская Е. М. Берлин, май 1945. – Москва: Московский рабочий, 1986 – 320 с.
5. *Горбатов, М. Ю.* Накануне Великой Отечественной («Одиум» без мобилизации) часть 2 / М. Ю. Горбатов // Вестник Академии военных наук. – 2016. – № 2(55). – С. 173–182. – EDN ZMVUAB.
6. *Копелев, Л.* Слово правды через фронт. Заметки и воспоминания литератора-пропагандиста // Литературное наследство. Советские писатели на фронтах Великой Отечественной войны. – Т. 78. – Кн. 1. – Москва: Правда, 1966.
7. *Торсуков, Е. Г.* Альма-матер военных переводчиков / Е. Г. Торсуков // Вестник Московского университета. Серия 22: Теория перевода. – 2010. – № 2. – С. 112–126. – EDN MKVBRX.